
Сан Жипари
Сублимация
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Сан Кипари

Сублимация

«Автор»
2026

Кипари С.

Сублимация / С. Кипари — «Автор», 2026

Кассандра создала Самди – воплощение всех своих мрачных мыслей, чтобы убить его на страницах своего романа. Однако, к сожалению, она не возненавидела его, а полюбила. Теперь его голос живёт в её голове, шепчет, смеётся, обещает всегда быть рядом.И, когда кажется, будто всю свою жизнь она будет жить с выдуманным персонажем, она встречает Этьена.

© Кипари С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Acedia 5
Глава 2. Invidia 12
Глава 3. Gula 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Сан Кипари
Сублимация

Глава 1. Acedia

Будем честны: многие из нас себя не любят и считают своё лицо, подаренное жизнью, некрасивым, а, может, невероятно уродливым. Если же не лицо считают таковым, то свою душу или свой нрав, которые тоже отчасти изначально сформировала жизнь. А бывает и так, что ненавидят всё сразу: кривое, косое и до омерзения смешное отражение в зеркале; писклявый или слишком низкий, грубый, шероховатый, хриплый, чужой голос; руки, которые не умеют ничего правильно делать и будто растут невесть откуда; пустующую душу, в которой, кажется, нет ни грамма любви или доброты, а, может, зла или ненависти; и тяжёлый, причудливый, несносный, непонятный даже самому себе характер. Мы ищем в себе изъяны с утра до ночи, будто кто-то извне поставил нам задачу найти в себе хоть что-то, за что ещё можно себя возненавидеть и презреть. И мы находим, мы всегда находим.

Но существует одна странная закономерность: большинство из нас готовы прощать другим их недостатки, их не самую привлекательную внешность, их скверный характер, их сломанные судьбы, – мы принимаем их полностью или частично. Мы находим в них какую-то красоту, очарование, повод для любви, а в себе – никогда. Себя мы рассматриваем под микроскопом, увеличивая каждую маленькую, едва заметную трещинку до размера пропасти, у которой, кажется, нет дна.

И вспыхивает ослепляющая мысль, что, если ты треснул хоть раз, ты уже навсегда испорчен, и никто тебя не выберет. Как ваза – разбитая, склеенная кое-как обляпанным отпечатками пальцев скотчем, ядрёно-синей изолентой, клеем, что пузырями вытекает из сколов; как эта разбитая ваза, что стоит среди целых, нетронутых даже пылинками ваз. Хотя, будем честны и здесь: все мы в какой-то степени сколоты и разбиты, абсолютно целых ваз не существует и в помине. Мы это прекрасно понимаем, но в то же время прекрасно не осознаём.

Вот так и живёт большинство: смотрит в зеркало, но видит не человека, а список дефектов и ненавидит себя за то, что не может быть другим, ненавидит жизнь за то за то, что та слепила его не из глины, а из комковатых остатков.

Также давайте откроемся в том, что многие из нас (я не говорю «все», так как люди бывают разными и ситуации бывают разными, вы сами это понимаете) когда-нибудь да влюблялись в вымышленных героев – в своих или чужих – не суть важно. Ибо вымышленный герой удобен, он не оставит в одиночестве, не посмотрит на эти кажущиеся уродливыми шрамы с отвращением, ведь он существует ровно в той степени, в которой мы готовы его впустить. И в этом его самое коварное очарование: он всегда будет ровно таким, каким мы его создадим. Или таким, каким он сам придумал себя в твоей голове – тут уж как повезёт.

Вымышленный герой никогда не устанет слушать, не скажет: «Ой, опять ты со своими проблемами!» Нет, он внимательно выслушает, поймёт, простит, не осудит. Поэтому мы и влюбляемся в того, кто не может причинить боль по-настоящему, потому что его попросту нет. Но порой почему-то становится больнее, чем от живого человека. Парадокс, не находите?

И Кассандра знала этот парадокс лучше, чем хотела бы. Она не просто влюбилась в вымышленного героя, о нет! Изначально она создала его специально для того, чтобы уничтожить, а по итогу полюбила той любовью, о которой зачастую пишут в романах – истинной, чистой, бессмертной!

Самди родился как сосуд для всего самого тёмного, что копилось у неё внутри; она хотела влить в него всё своё отвращение к себе, ненависть к жизни и презрение к людям, что при-

чиняли ей боль, а потом грязно убить его на последней странице, поставить жирную точку, захлопнуть книгу и с облегчением выдохнуть. Но Самди не умер, а... заговорил. Поначалу он лепетал эфемерным шёпотом, что смешивался с посторонними звуками и не привлекал особого внимания; затем его утробный, шероховатый баритон раздался у самого уха, перекрывая вечно играющую на полную громкость музыку в наушниках, а после он без предупреждения поселился у неё в голове, как незваный гость, которого почему-то стыдно и неловко прогонять.

Она не видела его, ибо это не была галлюцинация в чистом виде, но представляла: высокого, крепкого, в большом фиолетовом цилиндре с плотной охристой лентой, ярко-алом фраке с острыми фалдами и лацканами, украшенными золотом эполет, двойном фиолетово-чёрном галстук-бабочке и длинными, узкими лакированными туфлями на ржавом замке. Бледное лицо его прорезали острые, как лезвия, скулы, золотистые волны волос он стягивал в низкий, маленький, будто крысиный хвостик, подбородок украшала густая бородка, а большие чёрные глаза с морщинками под ними всегда смотрели испытующе, словно направленные прямо в лоб дула пистолетов. Под правым глазом у него чернело тату в виде большой капли.

Когда её сверстницам нравились смазливые ровесники и гладковыбритые мальчишки, Кассандра получала удовольствие от роскошной наружности взрослых господ, что каждый день мелькали перед её глазами на улице или в метро. Она готова была часами бесстыдно пялиться на их бороды, бородки или усы, что приукрашали будто высеченные из камня лица, однако стоило ей встретиться с их вопросительными взглядами, она, всё же, нехотя отводила взор и больше не поднимала глаз. Однако теперь у неё появился Самди, что редко покидал богатый особняк воображения и часто навещал её.

Какова ирония судьбы: ты создаёшь чудовище, чтобы избавиться от всего плохого внутри, а оно становится твоим единственным собеседником! Самди вечно курил, паровозом испуская клубы сизого дыма, неустанно критиковал её рисунки и тексты, смеялся над её страхами и стыдил за всё подряд.

«Снова пялишь на мужчин, моя маленькая развратница?» – ухмыльнулся он, прикусив толстую сигару.

«Ни на кого я не смотрю», – мысленно буркнула в ответ Кассандра, краем глаза заметив, как полная возрастная женщина рядом искоса поглядывала на экран её планшета с набросками дизайнов персонажей для нового романа – того самого, в финале которого должен был сгинуть Самди.

«Ну-ну! Так что, уже придумала, как будешь меня убивать?»

Кассандра коснулась стилусом экрана и провела дрожащую линию – то ли из-за трясущейся руки, то ли из-за трясущегося вагона. Она никогда не отвечала на вопросы о смерти Самди, потому что каждый раз, когда она пыталась представить финал – острый нож, вонзающийся в его грудь, или пулю, дырявящую его лоб, – её пробивала дрожь.

«Ты не сможешь, ибо слишком любишь меня, Касси. Я – единственный, кто тебя понимает, и только я знаю, какая ты на самом деле. Другие тебя попросту не полюбят, испугаются. А я... я, вот, не боюсь».

Кассандра зажмурилась, пытаясь стереть его образ из головы, но он не исчезал. Он всегда был там, зажмурься она хоть на целую вечность. Ей казалось, что если она повернёт голову, то увидит его на пустующем соседнем сиденье: длинные ноги, скрещённые в щиколотках, цилиндр на коленях, ядовитая улыбка, обнажающая ровные, слишком ровные белые зубы. Но она знала, что там никого нет.

«Ты всё ещё боишься одиночества, да? – продолжал Самди. ***– Так чего же ты бегаешь от меня? Я никогда тебя не брошу, ибо я – единственный, кто будет рядом. Всегда. Ты сама меня таким сделала! Так что радуйся».***

Кассандра цыкнула и, убрав планшет в сумку, вышла сначала из вагона, затем эскалатор привёл её к выходу из метро, и после она зашагала по блестящей от влаги дороге.

«Ты сегодня опять толком ничего не ела, – заметил Самди с лёгким осуждением. – ***У тебя скоро кишки от голода либо распухнут, либо слипнутся. Хотя... какая разница? Ты всё равно хочешь сдохнуть».***

– Заткнись, – шикнула она вслух, и проходящий мимо мужчина, обернувшись, вопросительно глянул на неё. Кассандра почувствовала привычный укол стыда: она опять разговаривала сама с собой, опять привлекала внимание, которого так боялась и так жаждала одновременно.

Самди рассмеялся:

«Ох, Касси, Касси... Ты такая забавная! Чертовски тебя люблю».

Получив в ответ сдержанный немой кивок, он хмыкнул.

Вскоре Кассандра под несмолкаемый голос Самди добрела до «Змея и пташки» – небольшого уютного кафе, которое облюбовала пару месяцев назад, когда решила, что больше не может сидеть дома в четырёх стенах. Она выключила музыку в наушниках, прижалась плечом к тяжёлой стеклянной двери, толкнув её, и вошла внутрь – в мир молотых зёрен и сладкой выпечки, где её приветливо встретила милая бариста – белокурая девушка с россыпью рыжих веснушек на светлом лице.

«Необычное сочетание. Никогда её здесь не видела, – пронеслась мысль при взгляде на лучезарную улыбку. – Наверное её зовут как-то необычно... Аглая».

Кассандра заказала латте, плюшку с корицей и села на своё излюбленное место – за столик у окна в пол. Она любила наблюдать за прохожими, замечать интересные лица, причудливые одеяния и разношёрстные образы, кардинально отличавшиеся друг от друга. Помимо простого наблюдения она выдумывала каждому незнакомому ей человеку историю, имя, судьбу. К примеру, тот усатый мужчина в очках и с портфелем наперевес – Евгений, серьёзный и весьма известный в узких кругах профессор, тайно пишущий стихи о своей несчастной любви; девушка с рыжими волосами и рюкзаком в значках и брелках – Таисия, талантливая художница, сбежавшая из дома из-за вечных скандалов по поводу выбора её профессии и теперь ночующая либо у подруг, либо в парках; а вон тот парень в кожаном пальто и шарфе – Матвей, скромный пианист, по чьей вине погиб лучший друг, и отныне он мучается от бесконечно тянущегося голоса совести.

Кассандра смотрела на Матвея, пианиста, убийцу друга, мученика совести и чувствовала, как внутри разрастается жгучая тоска. У всех этих людей, которых она выдумывала, была история, драма, трагедия, *смысл*. А у неё?

«Что? Ничего интересного себе не нафантазировала?» – раздался насмешливый голос Самди. Она вздрогнула, чуть не пролив латте. Он молчал с тех пор, как она вышла из метро, то есть суммарно полчаса, отчего она уже начала надеяться, что он оставил её в покое хотя бы до вечера.

«Ты же знаешь, я всегда здесь, – продолжил он, лениво растягивая слова. – ***Просто давал тебе возможность почувствовать себя нормальной. Ну как? Получилось?»***

Кассандра сделала глоток кофе и тот показался ей чрезмерно приторным. И верно: она ведь положила в него двойную порцию сахара, чтобы заглушить горечь внутри. Увы, не помогло.

«Я просто пью кофе, – ответила она, хотя знала, что Самди слышит каждое её слово, каждую её мысль. Он сам был её мыслью. – Я никого не трогаю».

«Ой, да брось! Ты залипла на этого типа с эмо-чёлкой, как на шедевр мирового искусства, придумала ему трагическую историю, чтобы хоть как-то развлечься. Да, Касси? Потому что жить свою жизнь тебе, видите ли, скучно».

Она закусила губу. Он попал в точку – впрочем, как всегда.

«Матвей, значит? Пианист? Совесть? – Самди хмыкнул, закурив, и она почти физически почувствовала запах его вишнёвой сигары. ***– А ты умеешь выбирать. Только почему***

ты придумываешь жизни другим, а себе ничего не можешь придумать? Вот скажи мне, Касси: ты хоть раз за сегодня подумала о чём-то хорошем? О чём-то... светлом?»

Кассандра промолчала и посмотрела в окно, где серое небо нависало над крышами, как растянутая мокрая простыня. Светло-серая пелена давила на глаза.

«Вот и ответ: ни разу. Ты – моя маленькая машинка по переработке света в тьму. Гениально, правда? Может, в другой жизни я бы гордился тобой».

– Зачем ты это делаешь? – прошептала она, и сидящая за соседним столиком женщина с книгой подняла глаза. Кассандра отвернулась и прижала ладонь к уху, сделав вид, что говорит по телефону через наушники. Снова играет что-то, снова лжёт, пусть и не словесно, но телесно.

«Зачем я делаю... что? – переспросил Самди с притворным непониманием. Он рухнул на стул напротив, скрестив ноги в щиколотках, и наклонил голову набок, отчего цилиндр его встал набекрень. ***– Говорю тебе правду? Или развлекаю тебя, пока ты тут скучаешь в этой унылой забегаловке?»***

– Ты знаешь, о чём я.

«Ах, это... – он сделал паузу, и она услышала, как он медленно затягивается сигарой. Смакует. ***– Я делаю это, потому что люблю тебя, Касси. Если бы я не был с тобой откровенен, кто бы был? Твоя мама? Бабушка? Бывший? Эти выдуманные пианисты с трагедиями?»***

– Ты не любишь меня, – тихо возразила она. – Ты меня ненавидишь.

«Ошибаешься. Я – единственный, кто действительно видит тебя настоящую, искреннюю в своих чувствах и эмоциях, в своих желаниях. Я вижу тебя, Касси, я знаю тебя лучше, чем ты сама. И... я остаюсь с тобой, с этим маленьким милым чудовищем с ужаснейшими мыслями! Кто ж ещё останется с тобой, крошка?»

Она хотела возразить, сказать, что он – всего лишь плод её воображения, выдумка, персонаж, которого она обязана убить на последней странице. Но слова застряли поперёк горла, как кость, ибо это всё – ложь. Самди был реальнее, чем большинство людей, которых она встречала. Он был тем, что жило внутри неё, тем, что она не могла вырвать.

«Не отвечай, я и так знаю, что ты думаешь. Ты думаешь, что если перестанешь со мной говорить, то я исчезну, испарюсь – пуф! Но я никуда не исчезну, Касси! И ты знаешь почему».

Потому что он был частью её. Он был той самой трещиной в вазе, которую она пыталась склеить, но она расползалась всё дальше, заполоняя собой всё, искажая красивую картинку. Теперь это была не ваза с трещиной, а трещина с вазой.

Кассандра поднялась из-за стола, забрала с собой плюшку, убрав её в сумку, и вышла из кафе. Холодный ветер пощёчиной ударил ей в лицо, разметая волосы. Город шумел, машины сигналили, кто-то громко хохотал на другой стороне улицы, потому она включила музыку на полную громкость.

«Ну и куда теперь, кроха моя? Опять домой? В свою клетку?»

«А куда мне ещё?»

«Может, сходим в парк? Или съездим в центр загадочно побродить по улочкам? Подышать воздухом, может, чуть-чуть пострадать на публике. Вдруг какой-нибудь пианист заметит тебя и решит, что ты – его новая трагедия?»

Кассандра хмыкнула. Впервые за день уголки её губ дрогнули в подобии улыбки.

«Ты невыносим».

«Я знаю, поэтому ты меня и любишь. Ну так что, в центр?»

Она молчаливо направилась к метро, однако на полпути ноги свернули к знакомому двору, к старой коричневой многоэтажке с облупившимся фасадом – то был её дом.

«Да ну... Всё-таки домой? Ты даже не попытаешься пойти куда-то ещё! На встречу, например, на внезапное свидание, в гости... Но нет! Ты просто идёшь домой, как собака в будку. Это невероятно грустно, Касси».

– Зато уютно, – парировала она, поднимаясь по лестнице на третий этаж.

«Уютно? Ты уверена в этом?»

Она резко дёрнула плечом, будто стряхивая с него ладонь Самди, звякнула ключами и, убрав наушники, вошла в пустую квартиру. Свет залил крошечную прихожую, и она сразу пересеклась взглядами со своим отражением в старом зеркале с прошлогодней новогодней наклейкой в углу. Вот она: бледная, уставшая, с тёмными кругами под серыми глазами девочка, которая не понимает, что её ждёт в будущем.

«Умойся. И перестань смотреть на себя с таким ужасом; ты ещё не померла».

– Отвали.

Кассандра стянула с плеч куртку, оставшись в толстой чёрной водолазке с длинными рукавами, и зашла в комнату. Не включая верхний свет, она подошла к столу и зажгла яркую зелёную настольную лампу, – свет вытянул из темноты творческий хаос: стопки скетчбуков и книг, наброски и записи, разбросанные по пробковой доске над столом, пустую упаковку от печенья, кружки с холодным чаем и кофе, карандашный бардак вокруг ноутбука. Пройдясь взглядом по своему рабочему месту, глаза её вернулись к левой руке, где под рукавом таился её маленький секрет – шрамы, что тянулись от запястья до локтя. Они были то длинные, то короткие, то глубокие, то поверхностные; некоторые были совсем светлыми, почти сливались с кожей, другие – красными.

«Прошлое героя», – подумала она, и губы сами растянулись в горькой усмешке. Она часто представляла, как вставит это в книгу: главная героиня, пережившая насилие, носит шрамы как доказательство своей стойкости, как орден. Читатели будут плакать над её болью, одновременно с этим восхищаться её силой и любить её за то, что она справилась, что она выжила.

«Хватит драматизировать».

Кассандра вздрогнула и обернулась – никого. Сейчас она услышала не мысленный шёпот, к которому она привыкла за последние месяцы, нет. Голос почему-то прозвучал отчётливо, так, будто Самди стоял прямо за спиной.

«Ты резала себя, потому что тебе было скучно, – продолжил Самди, и теперь она слышала его не в голове, а справа, у окна. – ***Не потому, что больно, не потому, что кто-то тебя обидел. Тебе... просто скучно. Скучно жить, скучно чувствовать, скучно быть собой. Ты хотела хоть чего-то особенно в себе, крошка. Признай это, это же не так сложно!»***

– Замолчи.

«А то что?» – он усмехнулся, и звук теперь шёл от двери, слева.

Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать, ладони вспотели. Она знала, что там никого нет и всё равно панически боялась посмотреть в ту сторону.

«Вот так ты и жила всегда: резалась от скуки, влюблялась от скуки, придумывала истории от скуки. Всё от скуки».

Она слышала, как он затягивается и как выдыхает дым; удушающий запах вишни и табака заполонил комнату. Пересилив себя, она выдохнула и села на постель.

– И тебя я придумала... от скуки! Ты вообще не настоящий.

«От скуки, говоришь. Ну-ну».

Самди помолчал.

«Так, ну... ты пришла домой. Что дальше? Сядешь рисовать, как вчера? Или, может, откроешь тот файл и попробуешь расписать мою смерть? – усмешка слетела с его губ. – ***Ну давай, Касси, сделай это. Я не боюсь, а вот ты – да. Ты боишься остаться одна, без меня».***

На столе стоял обклеенный наклейками ноутбук. Чёрный экран смотрел на неё слепым глазом в ожидании.

– Я не буду сегодня ни писать, ни рисовать. Я устала.

«Устала? Ты же легендарная Кассандра! Ты же не знаешь, что такое усталость! Согласись, что ты просто боишься, ибо знаешь: если ты убьёшь меня, то умрёшь вместе со мной».

Кассандра закрыла глаза. Вот он стоял перед ней, высокий, в цилиндре и алом фраке, с чёрными глазами, что смотрели и на неё, и сквозь неё одновременно. Он медленно затянулся сигарой и выдохнул клубы дыма прямо ей в лицо, отчего она поморщилась.

– К чёрту.

Она рухнула на подушку, не переодевшись, слушая, как тикают большие круглые часы над кроватью. Тик. Тик. Тик. Ровный, бесконечный звук, который когда-то успокаивал её тревожную душу, а теперь до жути раздражал.

А Самди молчал и это было хуже всех его насмешек. Тишина в голове гудела, как сломанный телевизор, и в ней взбухшим трупом всплыло то, что Кассандра старательно запихивала в самый дальний ящик памяти – бабушка. Не та бабушка, которая порой по собственной прихоти пекла оладьи, которая целовала её и говорила, какая она у неё умница-разумница, а та, что появлялась, когда Кассандра посмела ей перечить, или начинала с ней спорит, или просто попадалась под руку в плохой день. Пощёчина и ремень били не сильно, не до синяков, а так, чтобы просто «дошло».

Кассандра помнила, как лежала на постели, прижимая ладонь к горящей щеке, и сквозь ширму длинных тёмных волос стыдливо смотрела на бабушку со слезами на глазах. Она всегда после вспышки гнева плакала, обнимала её, шептала: «Прости, я не хотела, просто ты меня довела».

И Кассандра каждый раз прощала, потому что...

С одной стороны – это ужас.

Да, это было ужасно, ведь бабушка не имела права поднимать на неё руку – это было неправильно, больно, унизительно!

С другой стороны – она пыталась её вразумить.

Так говорила сама бабушка, и Кассандра верила, потому что если не верить, то что тогда? Что бабушка просто злая? Что она не любит свою внучку? Бред! Её бабушка – самый святой человек на свете!

С третьей стороны – это всё ещё ужас.

Да, именно что ужас. Ребёнок не должен бояться взрослого, который его воспитывает, не должен в панике вслушиваться в шаги в коридоре, не должен учиться читать настроение по мимолётному взгляду и каждый раз раздумывать над своими словами, боясь, что они могут обидеть или задеть взрослого.

С четвёртой стороны – она же меня любит.

Любит. Конечно, любит – это же бабушка! Она встречала её с накрытым столом после школы и колледжа, она поддерживала её в мрачные времена, она обнимала её, говорила, как сильно любит и как гордится ею. Она любит, просто... не умеет иначе.

С пятой стороны…

Кассандра не знала, что там, с пятой стороны. Может, ничего, а, может...

Она перевернулась на другой бок, укрывшись лоскутным одеялом, недавно сшитым мамой. Простыня была приятно-холодной.

«Ты оправдываешь её, – внезапно раздался голос Самди, что, кажется, сидел на краю постели и смотрел на её сжавшуюся фигурку. – ***Так же, как оправдываешь всех, кто делает тебе больно».***

– Я знаю.

«Знаешь, да. Но ничего не меняешь, – он помолчал и тихо добавил: ***– Поэтому я и остаюсь. Кто-то же должен быть рядом».***

Она не ответила.

«Я буду рядом».

Это были самые важные слова в её жизни. Не «я тебя люблю», не «я тебя понимаю», не «всё будет хорошо», а именно эти три маленьких слова, которые означали, что она не будет одна. И Самди знал это, конечно, знал! Знал лучше, чем кто-либо.

«Я буду рядом. Всегда».

Кассандра сжала одеяло в кулаке.

– Обещаешь?

«Обещаю. Я же твоя выдумка, а выдумки не умирают до конца. До самого конца».

Она закрыла глаза, ощущая, как эфемерная ладонь ложится ей на плечо, поглаживая, утешая.

Через час она наконец провалилась в сон.

Глава 2. Invidia

Кассандра сидела за столом уже который час, корпя над простым скетчем. Скетчем! А ведь это была Кассандра – художница, что могла спокойно отрисовать три полноценных работы за один день! А тут...

Спина затекла, шея гудела, и правая рука, сжимавшая стилус, начала подрагивать мелкой, противной дрожью. Перед ней – планшет с более-менее детализированным наброском портрета лица. Она начала его после того, как провалилась в сон, пока Самди стоял над её душой и курил, глядя на неё чёрными глазами. А проснулась она в два ночи с звенящей мыслью о том, что она должна нарисовать его. Но не для книги, не для будущих читателей, а так, для себя.

К шести утра она нарисовала всё: высокий цилиндр, фрак с эполетами, двойной галстук-бабочку, лицо со скулами, волны волос, бородку, тату... но не глаза. Она смотрела на пустые глазницы – две идеально очерченные формы, внутри которых не было ничего, кроме белого холста, и чувствовала, как внутри поднимается нечто похожее на панику. Она пыталась нарисовать их снова и снова: чёрные, большие, с морщинками, обнажающие душу и смотрящие испытующе. Но каждый раз, когда она рисовала радужку, портрет оживал, и ей начинало казаться, что плоский скетч на экране внезапно обретает объём, что губы под бородкой медленно кривятся в ухмылке, что морщинки под глазами углубляются, что лицо обретает бледный, но какой-то оттенок кожи. И тогда она стирала, начинала заново, снова стирала, снова рисовала и так до бесконечности.

«Ну что, опять ничего не получается?»

Кассандра вздрогнула, но не от испуга, ибо к голосу она за последние месяцы привыкла, а от того, что он снова прозвучал не в голове, а будто со спины. Она резко обернулась, ощутив холодок на шее, однако встретилась лишь со слабо освещённой бирюзовой стеной, на которой сверкало три квадратных алмазных мозаики, когда-то собранных мамой.

«Ты боишься моих глаз, да?» – продолжил Самди. Теперь голос шёл от шкафа у кровати.

– Нет. Я просто не могу вспомнить, какие они.

«Ты прекрасно помнишь: это же просто глаза. А знаешь, если бы у тебя глаза были на пару тонов темнее, мы были бы похожи взглядом. Пустой, абсолютно чёрный...» – он задумчиво хмыкнул.

Кассандра прибавила громкость в наушнике и зажмурилась. Перед ней тут же открылись его глаза – огромные, бездонные, как два чернильных пятна, что смотрели на неё пристально, внимательно, с животным интересом.

– Замолчи, – шепнула она и под его усмешку отложила планшет в сторону. – Ладно. Не сегодня.

Она вытянула из середины стопки на принтере старый, исписанный вдоль и поперёк фиолетовый блокнот в стёршихся наклейках, открыла где-то посередине, где оставляла атласное чёрное ляссе, и взялась за чёрную ручку.

САМДИ. ПРИВЫЧКИ.

- Курит только вишнёвые сигары. Никогда не затягивается глубоко, курит, так сказать, поверхностно, т.е. держит дым во рту, а потом выпускает медленно, будто смакуя.

- Носит цилиндр даже дома. Снимает только перед сном. Говорит, что без него чувствует себя голым.

- Скрещивает ноги в щиколотках, когда сидит. Левая поверх правой. Всегда.

- Крутит сигару в пальцах перед тем, как закурить: три оборота влево, два – вправо.

- Смеётся низко, гортанно, будто кашляет.

- Ненавидит зеркала. Говорит, что не хочет видеть, как старе...

Ручка замерла, не дописав последнее слово.

А зачем она это делала? Зачем придумывала ему привычки? Он же не существует! Однако, чем больше она писала о нём, тем реальнее он становился и тем сложнее было его убить. Может, так она пыталась оттянуть момент его смерти?..

Нахмурившись, она перевернула страницу, где было написано красными, будто кровь, чернилами: «Смерть. Варианты», а после открыла ноутбук. Экран загорелся, осветив комнату желтоватым светом. Введя пароль, она в ожидании прогрузки покрутила курсором и сразу нашла файл с черновиком романа, что затаился в углу среди прочих файлов. Открыв его, она прошлась по печатным буквам, сцепляющихся в большие абзацы, и добралась до конца. Последней написанной сценой был весьма кинематографичный кадр: Самди стоял на крыше главного здания, курил, опёршись о трость, и задумчиво смотрел на город.

Кассандра коснулась клавиатуры холодными кончиками пальцев и, собравшись с остатками мыслей, принялась за написание. Первый абзац, короткий диалог, второй...

«Серьёзно? Просто нож под ребро? Как банально! Ты же писательница, Касси, придумай что-нибудь оригинальное!»

– Замолчи, – процедила она сквозь зубы. – Я пытаюсь.

«Ты не пытаешься, ты просто играешься! Понимаешь ведь, что не справишься с моим убийством, так на кой чёрт пытаешься? – он опёрся бедром о стол. ***– Вот если я помру, Касси, скажи мне, кто с тобой будет рядом?»***

Пальцы зависли над клавиатурой.

– Кто-нибудь да будет.

«Найдёшь мне замену?»

– Найду кого-то лучше.

«Враньё. Викон разве был лучше меня?»

– Тебя тогда даже не было!

«Я всегда был с тобой, Касси, этот спор бесполезен. Пусть ты меня тогда и не придумала, голос был и им был я».

Шёпот обжёг ухо, и Кассандра резко вытащила наушник, бросив его на стол. Она хотела посмотреть в это наглое, ухмыляющееся лицо, но никого перед собой не видела.

«Я тут», – раздалось справа. Она повернула голову – пусто.

«Да тут я!» – шепнул он слева, обдав шею её вишнёвым дыханием и засмеялся.

Кассандра зажмурилась, представляя его перед собой.

«Что, не нравится, когда я играюсь? – он прокрутил сигару в пальцах: три оборота влево, два – вправо, а после небрежно стряхнул пепел на стол. ***– Мне тоже не нравится твоя игра со смертью, Касси. Особенно с моей».***

– Отстань! Что ты вообще прицепился ко мне?!

«Критикую тебя, крошка! Жёсткой и правдивой критики тебе ой как не хватает! – он кивнул на ноутбук. ***– Дописывать будешь?»***

Кассандра поджала губы. Вернувшись к экрану, она выделила несколько последних абзацев, где в красках описывала убийство Самди, и без раздумий удалила их.

«Так-то! Я знал, что ты не сможешь. Ты слишком любишь меня, Касси, даже больше, чем себя. А может, и вместо себя... Я в любом случае польщён».

Она бросила в его сторону хмурый взгляд и, укутавшись в одеяло, легла в постель в позу эмбриона. Беспокойный взгляд её метался с потолка на стену, словно между ними порхала мушка; пальцы до хруста сжимали подол клетчатой рубашки на животе. Постепенно сон под-

хватил её в свои объятия, однако, прежде чем заснуть, разум её заплескался в воспоминаниях – она почему-то пыталась вспомнить Викона.

Не так, как обычно вспоминают бывших, не с горечью, не с обидой, не с желанием переиграть прошлое, нет. Она всего-навсего пыталась вспомнить его лицо. Не потому, что хотела, а потому, что не могла, ибо оно, появляясь из коробки воспоминаний, расплывалось, как чернила на вымокшей бумаге. Она помнила его короткие светлые волосы. Или тёмно-русые? Помнила, что он был выше её. Или с ней ростом? Помнила его лишний вес. Или он был не таким уж и пухлым? Помнила, что он дарил ей цветы. Ромашки? Розы? Тюльпаны?

Она не помнила, ибо остались только ощущения. Его потная тяжёлая ладонь на её животе, лезущая под рубашку, его мягкий, слегка картавый голос и слова: «Чем больше ты закрываешься, тем больше я хочу». Она точно помнила, как сжималась, как говорила «нет, мне неприятно» – тихо, неуверенно, будто извиняясь. Помнила, как он не слышал или делал вид, что не слышит. Она помнила, как он предложил ей похудеть вместе. «Давай сбросим пару кило! Будем поддерживать друг друга, бегать и заниматься вместе». Но ведь она не была толстой, она весила в пределах нормы.

«Ты всё ещё не доверяешь своей памяти, – хмыкнул Самди, грузно сев в кресло за её спиной. ***– Может, ничего и не было, как и не было бабушкиных побоев, как и не было её обвинений в твою сторону. Может, ты вообще всё придумала; ты ведь хочешь быть жертвой, хочешь, чтобы тебя жалели».***

– Я не хочу быть жертвой...

«Хочешь; ты просто не признаёшься. Ты хочешь, чтобы кто-то сказал: «Бедная Касси, как ей не повезло!» Ты очень хочешь, чтобы тебя жалели, ибо иначе ты – просто скучная девчонка, которая ничего в этой жизни не добилась».

Кассандра закрыла глаза. Она попыталась вспомнить бабушку, которую давно не видела, и не смогла. Вспыхивали только ощущения: горячая щека, смятая постель, тяжёлое дыхание. Может, это было, может – нет. Может, она всё придумала. Может, её память – это просто набор картинок, которые она сама нарисовала, чтобы... заполнить пробелы в своей истории.

Она медленно встала с постели и, крадучись, направилась в ванную. Вспыхнул белый свет, и зеркало в полный рост встретило её привычным отражением: желтоватое лицо, тьма под глазами, отросшие волосы, собранные в небрежный хвост-петлю, рубашка, шорты до колен.

Кассандра задрала рубашку до рёбер, обнажив живот с волнами тонких темных линий – старых шрамов.

«Ты так с лишним весом справиться пыталась?»

– У меня нет лишнего веса, – сказала она, глядя на своё отражение.

«А вдруг есть? Вдруг Викон и бабушка были правы?»

И снова в памяти всплыл образ – Викон. Викон с мягкой улыбкой и глазами, полными искренней заботы. Викон, который дарил ей цветы. Викон, которому она отдала свой первый, пуст и неловкий, поцелуй. Викон, который был знаком с её мамой и бабушкой. Викон, который знал, где она живёт.

Она говорила «нет», – он слышал «да, но позже». Она отводила его руку, – он лез дальше. Она просила не трогать, – он говорил: «Я же не делаю ничего плохого». И самое страшное – он ведь искренне был уверен, что она просто ломается, кокетничает, играет в недотрогу. Но в то же время он не был злодеем или подлецом в чистом виде.

Кассандра закрыла глаза. Она вспомнила, как сидела на своей кровати, сжавшись в комок, а он гладил её живот круговыми движениями, медленно пробираясь пальцами под рубашку. И она чувствовала, как что-то внутри неё ломается... от бессилия. Нельзя ведь обвинить человека, который «просто любит», нельзя сказать «ты меня домогаешься», если он дарит цветы и уделяет тебе внимание, нельзя назвать насилием то, что выглядит как забота. Нельзя, они ведь – пара.

«Я не хочу об этом думать», – отмахнулась она от надоедливых бабочек воспоминаний, опустила рубашку. Что ж, прятать, снова прятать! Потому что открытую одежду можно носить только красивым, стройным телам, а её тело – не красивое, в шрамах, действительно чутка пухлое. Оно – яркое доказательство её слабости, её уродства.

Кассандра вытащила из выдвижного ящика маленький канцелярский ножик, посмотрела на него, покрутила в руке и убрала обратно.

«Не сегодня».

Вернувшись в комнату, она надела наушник, включила расслабляющую, спокойную песню, легла под одеяло, уставившись в потолок и внезапно подумала о том, какой же она скучный человек. Если так подумать, то с ней толком не о чем говорить: у неё нет историй, нет драмы, нет трагедии, нет памяти. Она – серая мышь, пустое место. Она – никто.

И тут ей в голову ударила резкая, отвратительнейшая мысль, которую она в который раз гнала от себя прочь, но которая возвращалась к ней снова и снова, словно бродячая собака, которую сколько ни прогоняй, она всё равно вернётся к тому, кто её хоть раз покормил.

«Если бы меня изнасиловали – меня бы можно было пожалеть».

Она зажмурилась, промычав и мотнув головой. Нет, нет, нет! Это ужасно! Это неправильно! Это до безумия больно!

«Но тогда я бы могла спокойно страдать».

Она невольно представила это. Тёмная улица, незнакомец (а, может, и знакомец), грубые руки, боль, страдания, а потом – сочувствие, внимание... Да, наконец-то она станет *интересной*!

«Ты больная, Касси, – с ноткой ошеломления усмехнулся Самди, раскачиваясь в кресле. ***– Ты же понимаешь это? Ты хочешь, чтобы тебя изнасиловали, чтобы тебя пожалели, но это – не любовь. Это больная жажда внимания. Ты готова продать своё тело всего лишь за сочувствие, а это – хуже самых отпетых шлюх».***

– Я знаю.

Кассандра перевернулась на бок. Она понимала, что это всё – романтизация насилия. Она понимала, что это больно, страшно, мерзко и унизительно, что в этом нет ничего смешного. Хотя она и не смеялась, но продолжала представлять, потому что в этих фантазиях она была... нужной. В этих страшных, постыдных фантазиях кто-то хотел её настолько, что не мог остановиться; там она была *желанной*.

«Может, так я ощутила бы себя живой».

«Не волнуйся, Касси, – ласково ответил Самди. ***– Ты получишь то, что хочешь. Я об этом позабочусь».***

Кассандра не спросила, что он имеет в виду, ибо уже спала. Или почти спала.

Тонкая граница между явью и сном стёрлась, как и всё остальное в её жизни. Она уже давно не могла отличить реальность от вымысла. Викон был? Бабушка била? Она резала себя? Или всё это придумано? Или всё это – сон?

«Может, завтра будет лучше. Может, завтра я всё-таки убью его. Может, завтра я умру. Может, завтра...»

Мучимая мыслями, она спустя пару минут заснула крепким сном.

Глава 3. Gula

Утро было серым. Не то чтобы в этот раз оно было каким-то особенным: в этом бесконечно тянущемся городе утро всегда было серым, будто кто-то наверху забывал включать солнце и менять оттенок неба. Но сегодня серость была... иной. Плотная, густая, она заползала в комнату через щели в шторах и оседала на всём подряд тонким слоем пыли. Кассандра лежала на кровати, не двигаясь, и рассматривала натяжной потолок с белой пятиглавой люстрой. Она не помнила, как заснула, не помнила, как легла в постель, не помнила, о чём думала. Последнее, что осталось в памяти – нож в подрагивающей руке и ванная.

На тумбочке, пробивая тишину, затрещал телефон – то был раздражающий будильник на восемь утра. Но она даже не шевельнулась, не посмотрела в его сторону. Пусть звонит, пусть надрывается! Ей всё равно.

Спустя пару минут телефон замолк, и тишина вернулась. Ненадолго.

«Ну что, проснулась, спящая красавица?» – раздался голос сверху.

Кассандра закрыла глаза. А вот и он! Никуда не делся, да и никуда не денется; склонился над ней, заложив руки за спину, улыбался.

«Вижу: проснулась-таки. Жаль».

Она не ответила, ибо слова не шли; хоровод предложений рассыпался, как только она задумывалась над ответом. В голове тянулась пустота, только что-то тихо капало на фоне: кап-кап, кап-кап.

«Моя крыша».

Она медленно села на смятой постели и ей казалось, будто это неповоротливое тело либо было чужим, либо налитым свинцом. В висках гудело, будто у новичка-пьяницы, во рту осел мерзкий металлический привкус. Она не помнила, когда в последний раз ела. Вчера? Позавчера? Время смешалось, как краски на грязной палитре, превратившись в серо-буро-малиновую затвердевшую массу.

С трудом поднявшись, Кассандра направилась в ванную, ступила на ледяной кафель босыми ногами, открыла кран, подставила ладони под прохладную струю и умылась. Вода тонкими полосами стекала по лицу, по шее, за воротник. Она никогда не вытиралась в какой-то глупой надежде на то, что вода смоет с неё налипшую, эфемерную грязь, грязь с тела, грязь мыслей. Глупо.

Стряхнув с ладоней воду, она посмотрела в зеркало.

«Красотка, – причмокнув губами, прокомментировал Самди её взлохмаченные волосы и помятый вид, словно она была восставшим мертвецом. – ***Ну прямо загляденье! Тебе бы в журнал «Модный приговор» для самоубийц».***

Кассандра вернулась в комнату и, открыв шкаф, долго смотрела на забитые различной одеждой полки: на платья, которые крайне редко надевала, да и «по праздникам», на сложенные в аккуратную стопочку брюки, юбки, на цветные рубашки, на свитера.

Она выбрала себе образ, вдела руки в широкие рукава-фонари с длинными манжетами, скрыла тело под плотной розовой тканью рубашки, надела чёрные брюки с коричневым вязаным ремнём, завязала на шее длинный чёрный галстук, который сцепила маленькой заколкой в форме ножниц, вдела ноги в бежевые носки и перекинула через плечо большую чёрную сумку с треснутыми серебряными узорами.

«Опять прячешься! Сегодня теплее, чем вчера, могла бы и шорты какие-нибудь надеть. Июль, как-никак».

– Заткнись.

«Как скажешь, крошка. Но я всё равно пойду с тобой».

Кассандра выключила свет, заперла квартиру на два ключа, надела наушники, включив музыку на максимум, и вышла из сырого, мрачного подъезда со сломанным лифтом, что застрял на верхних этажах и жалобно скрипел ржавеющими дверцами. Она шла, глядя себе под ноги, на мокрый асфальт; лужи отражали многоэтажки, тёмные кустистые деревья, серое небо с медленно плывущими вдаль облаками и её саму, размытую, нечёткую, будто кто-то пытался стереть её ластиком и не смог.

«Ты сегодня опять ничего не ела».

«Но я иду есть».

«В «ЗиП»?»

«Что это?»

«Твоя кафешка любимая. Мне лень выговаривать название».

«Да».

Дойдя до метро, от которого веяло теплом и тем самым ароматом, который сложно описать, но который хорошо знаком многочисленным пассажирам, она прошла ещё пару метров и оказалась в небольшой торговой улочке, встретившей её льющимся ото всюду запахом свежей выпечки. Пройдя мимо пары пёстрых зданий, она зашла в никак не выделяющуюся «Змею и пташку».

Внутри было тепло, светло и практически пусто. Утренние посетители уже разошлись, спеша то на учёбу, то на работу, то по делам, дневные ещё не пришли. Кассандра заметила только пару человек у дальних столиков: короткостриженого мужчину с ноутбуком, статную девушку с книгой и парня в больших наушниках.

Вчерашняя бариста улыбнулась ей, когда она заказала себе капучино, и предложила выпечку, на что получила мягкий отказ.

«Ты говорила, что идёшь есть».

«Перехотела».

Кассандра получила свой кофе, в который положила четыре немаленьких пакетика сахара и села за столик у окна. Сделав глоток, она провела обожжённым языком по нёбу. Безвкусно, как бумага. Даже сахар не ощущался, как было вчера. А что было вчера?..

Она мотнула головой и посмотрела в окно. Люди проходили мимо, сменяя друг друга, как кинолента. Вот рыжая уставшая женщина с коляской, там – коренастый мужчина с портфелем, далее – девушка с рюкзаком, а там – парень. И вновь у каждого – своя история, драма, любовь, интересная, насыщенная жизнь. Кассандра снова принялась за любимое занятие и придумывала им жизни, однако в этот раз голова пустела с каждым новым проходящим человеком, а глаза больше не цеплялись за образы.

«Что, муза покидает?» – поинтересовался Самди, стоя рядом у окна. Кассандра его проигнорировала и снова сделала маленький глоток, слизнув с губы пенные «усы».

«Может, сегодня что-то изменится? – схватилась она за отчаянно убегающую мысль. – Может, сегодня я встречу кого-то и перестану быть одна...»

«Ты не одна, – напомнил он. – ***Я с тобой».***

«Это не то, что я имею в виду».

«Я знаю. Но я – всё, что у тебя есть».

Она не стала спорить. Он был снова прав, и это начинало раздражать.

Дверь кафе в очередной раз открылась. Кассандра не обратила на это внимания, продолжая наблюдать за суетливой городской жизнью через окно, однако... что-то изменилось. То ли воздух стал теплее, то ли шум вокруг усилился, то ли... Не поняв, что конкретно произошло, она обернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.